

ИСТОРИЯ

УДК 94(357):355(357)

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В САСАНИДСКОМ ИРАНЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

© 2016 г.

В.А. Дмитриев

Псковский государственный университет, Псков

dva_psk@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2015

Разведывательная деятельность являлась важным элементом военного дела сасанидского Ирана. Источники разведывательной информации, использовавшиеся сасанидским военным командованием, были весьма разнообразны. С точки зрения структуры и механизма организации военно-разведывательной деятельности, отлаженности системы управления разведслужбами и эффективности самой военной разведки сасанидский Иран не уступал Римской империи, а на отдельных этапах своей истории и превосходил её. Явные параллели в организации деятельности персидской и римской военных разведок ещё раз подтверждают тезис о сходстве позднеримской и сасанидской военных систем. Традиции и методы осуществления разведывательной деятельности, сложившиеся и выработанные в сасанидском Иране, сохраняли свою актуальность и в последующие эпохи, оказав, таким образом, существенное влияние на дальнейшую эволюцию военно-разведывательной деятельности в странах Ближнего и Среднего Востока.

Ключевые слова: сасанидский Иран, военная история, военная разведка, разведчик, лазутчик, шпионаж.

Разведывательная деятельность издревле является неотъемлемой частью военного дела любого народа или государства¹. Важность данных, поставляемых разведкой, трудно переоценить, поскольку именно от них в значительной степени зависит точность оценки ситуации, складывающейся на театре военных действий (реальном или потенциальном), а следовательно, и эффективность военного планирования и успешность ведения войны в случае её возникновения.

Очевидно, что особенно значительную роль военная разведка играет в государствах, проводящих активную внешнюю политику и претендующих на роль региональной или, тем более, мировой державы. В эпоху поздней античности одним из таких государств являлся сасанидский Иран – последняя великая держава Среднего Востока эпохи древности, вся история которой была наполнена нескончаемыми войнами с соседями, и прежде всего – с Римской империей² на западе и государствами и народами Средней Азии – на востоке.

При этом следует отметить, что в исторической науке вопрос о военно-разведывательной деятельности в сасанидском Иране, несмотря на его очевидную важность с точки зрения изучения военного дела Сасанидов и, следовательно, истории противостояния Римской империи и

сасанидского Ирана за гегемонию в Ближневосточном регионе, во многом определявшего весь ход мировой истории в эпоху перехода от древности к средневековью, остаётся фактически неизученным. Исследователи, как правило, уделяют внимание организации разведывательной службы у римлян [4–7 и др.], иногда – у европейских варваров [8], ограничиваясь в отношении персов либо общими замечаниями [9, 10], либо, напротив, констатацией тех или иных частных фактов [11, 12].

Возможно, такая историографическая ситуация отчасти обусловлена спецификой существующей источниковой базы, которая заключается в том, что мы, будучи – благодаря позднеантичным писателям (прежде всего Геродиану, Аммиану Марцеллину, Зосиму, Прокопию Кесарийскому, Агафию Миринейскому и Феофилакту Симокатте, а также, хотя и в меньшей степени, армянским историкам Моисею Хоренскому, Фавсту Бузанду, Егише, Себеосу и др.) – в целом неплохо информированы об истории военно-политического противостояния Римской империи и сасанидского Ирана, очень мало знаем о событиях, происходивших на восточных и северо-восточных рубежах державы Сасанидов. Фактически всё, чем мы здесь располагаем, – это разрозненные (и, как правило, сделанные

вскользь) упоминания в сочинениях тех же античных авторов, крайне лаконичные надписи некоторых сасанидских царей, данные, сообщаемые отдельными средневековыми арабскими историками, сведения, содержащиеся в «Шах-наме» Фирдоуси, а также нумизматический и археологический материал, мало что дающий для реконструкции событийной истории восточного направления внешней политики Сасанидского государства, а тем более – для прояснения конкретных деталей проводившейся здесь военно-разведывательной деятельности. В связи с этим имеющаяся у нас информация о персидской разведке относится почти исключительно к западному (переднеазиатскому) театру боевых действий, что неизбежно заставляет переносить получаемые из западных источников данные на деятельность сасанидской разведки в целом, включая и ту, что осуществлялась на восточном (прежде всего – среднеазиатском) направлении. С точки зрения здравого смысла понятно, что последняя не могла быть основана на каких-то абсолютно иных принципах, и поэтому такая экстраполяция имеет право на существование; вместе с тем очевидно и то, что специфика военного дела восточных противников Ирана, природно-климатические условия иранско-среднеазиатского пограничья, особенности социально-экономической инфраструктуры региона и другие факторы с неизбежностью должны были повлечь за собой использование здесь персами в какой-то мере иных, нежели на западных рубежах, методов сбора разведанных и подходов к организации разведдеятельности, однако, в силу отмеченной скудости «восточного» источникового материала, мы практически ничего об этом не знаем.

Из сказанного вытекает ещё одна методологическая проблема, с которой сталкивается исследователь, изучающий военное дело Сасанидов в целом и историю сасанидской военной разведки в частности. Она заключается в том, что в силу недостатка (и недостатков³) собственно персидских источников мы вынуждены основываться главным образом на территориально и хронологически внешних по отношению к сасанидскому Ирану данных. Иначе говоря, мы смотрим на сасанидское военное дело глазами прежде всего римлян⁴, в гораздо меньшей степени – армян, сирийцев и арабов, но не самих персов. Очевидно, что это обстоятельство снижает степень достоверности выводов, к которым приходит исследователь, и придаёт им в определённой мере предположительный, гипотетический характер, а потому делает невозможными какие-либо однозначные, а тем более категоричные суждения.

Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении источники содержат объём информации, в целом достаточный для того, чтобы (с учётом высказанных выше замечаний) попытаться реконструировать существовавшую в сасанидском Иране систему получения той или иной информации с целью её использования при планировании и осуществлении военных операций, т.е. то, что и принято называть военной разведкой [17, с. 437–438]. В данной статье мы сосредоточим внимание на двух важнейших аспектах обозначенного военно-исторического феномена: каналах поступления разведанных и организации деятельности персидской разведслужбы.

Анализ источникового материала показывает, что главными действующими лицами, предоставлявшими персидскому командованию разведанные, являлись собственно **военные разведчики**, обозначаемые в позднеантичных источниках с помощью традиционных для классической литературы понятий: Аммиан Марцеллин именует их спекуляторами (*speculatores*) и эксплораторами (*exploratores*) (Amm. Marc. XVIII.6.16; XXV.7.1), а греческие писатели – катаскопами (*κατάσκοποι*) (Liban. Or. XVIII.213; Proc. Bell. I.21.11–13; II.25.10; Hist. arc. XXX.12–14; Theophyl. III.7.4; V.8.2, 4). Особого внимания заслуживает информация, сообщаемая Аммианом Марцеллином. Поскольку в отношении персидских разведчиков историк использует различные наименования, то с высокой долей вероятности можно предположить наличие среди них групп, функционально подобных соответствующим категориям разведчиков-римлян. При этом хорошо известно, что в латинской военно-исторической традиции, как правило, эксплораторами именовались представители войсковой разведки, а спекуляторами — лазутчики, работавшие на вражеской территории под прикрытием⁵. Таким образом, данные Аммиана Марцеллина указывают на существование у персов подразделений, аналогичных римским эксплораторам и спекуляторам, т.е. **армейских разведчиков и шпионов**.

В греческой военной терминологии, в отличие от латинской, отдельные понятия для обозначения разных категорий разведчиков долгое время отсутствовали, и в источниках все они, как правило, называются «катаскопами»⁶. По этой причине интерпретация сведений о сасанидской разведке, содержащихся в сочинениях греческих авторов, представляет собой более сложную задачу, решить которую можно, лишь исходя из контекста, в котором встречаются упоминания о персидских разведчиках. Так, Прокопий Кесарийский, говоря о катаскопах, как правило, имеет в виду шпионов, негласно

занимавшихся сбором информации в глубине вражеской территории (Proc. *Bell.* I.21.11–13; *Hist. arc.* XXX.12–14) и являвшихся, таким образом, неким аналогом римских спекуляторов. Такой же смысл в понятие «катаскоп», говоря о персах, вкладывает и Либаний (Liban. *Or.* XVIII.213). В то же время в одном из эпизодов Прокопий называет катаскопом не лазутчика, а представителя персидской армейской разведки (Proc. *Bell.* II.25.10).

Феофилакт Симокатта дважды упоминает о персидских «катаскопах» (Theophyl. III.7.4; V.8.2, 4). В первом случае речь явно идёт о шпионах, что становится понятным из контекста: «Он [римский стратиг. – В.Д.] послал пятьдесят вооруженных воинов выследить передвижение врагов [персов. – В.Д.]. Они встретили двух персидских лазутчиков, одетых в ромейскую одежду... Последние обманули, как баранов, взявших их в плен и, убедив, что они ромеи, спасли себя от опасности. Они также убедили ромеев в справедливости своих слов, обещая пробраться ночью по какой-то обходной тропинке и показать им неприятельское войско, лежащее на своих подстилках без всякой охраны. Воины на гибель себе охотно приняли это предложение и, обманутые этим обещанием, были живыми взяты в плен персами» (Theophyl. III.7.4–6. Пер. С.П. Кондратьева). Как мы видим, случайно попавшие в руки римской разведгруппы персидские лазутчики были переодеты в римскую одежду, уверенно держались и, вероятно, имели очень хорошо проработанную легенду – настолько убедительную, что римляне поверили, что общаются со своими соотечественниками. Более того, персидским лазутчикам не только удалось обвести римлян вокруг пальца, но и завести их в засаду, из которой смогли спастись лишь три человека (из 50!).

Во втором эпизоде выяснить какие-то подробности об упомянутых Феофилактом персидских разведчиках гораздо сложнее. Автор лишь сообщает, что сасанидским военачальником Бахрамом Чубином в район расположения римской армии под командованием Нарсеса была направлена группа «катаскопов», спустя четыре дня взятая римлянами в плен: «Нарсес послал на рассвете командира правого крыла Коментиола с тысячей всадников захватить переправу через вторую реку Заб. Когда это было сделано, разведчики, посланные Варамом [Бахрамом. – В.Д.], узнав о случившемся, вернулись к Вараму и сообщили ему об этом... На четвёртый день Нарсес, взяв в плен людей, посланных Варамом на разведку, и подвергнув их допросу, как полагается, при помощи бичевания, разузнал их военные планы» (Theophyl. V.8.1–4. Пер.

С.П. Кондратьева). Была ли это войсковая разведка, или же речь идёт о шпионах, точно сказать трудно. Однако по некоторым косвенным признакам можно всё же предположить, что и в данном случае Феофилакт, скорее всего, имеет в виду лазутчиков, действовавших под прикрытием: пребывание на вражеской территории в течение четырёх дней (а вся миссия явно была рассчитана на ещё больший срок) предполагает, что разведчики, дабы не «провалить» задание, должны были, образно выражаясь, «раствориться» среди местного населения. В то же время не исключена (хотя и менее вероятна) возможность ведения ими тайного наблюдения за римскими войсками, без какой-либо маскировки под мирных поселян.

Как мы видим, персидские шпионы упоминаются в источниках гораздо чаще, нежели разведчики. Это наталкивает на мысль о том, что значительная (если не основная) часть разведывательных данных поставлялась сасанидскому командованию именно тайными агентами⁷. В связи с этим вполне понятно то пристальное внимание, которое уделяет организации военного шпионажа – как у персов, так и у римлян – Прокопий Кесарийский. В «Войне с персами» он сообщает, что «у римлян и у персов издавна существует правило содержать за счёт казны лазутчиков, которые обычно тайком идут к неприятелям, чтобы тщательно всё высмотреть, а затем по возвращении доложить об этом властям» (Proc. *Bell.* I.21.11. Пер. А.А. Чекаловой). В «Тайной истории» Прокопий в дополнение к вышесказанному отмечает, что Римом «издревле за счёт казны содержались многие люди, которые отправлялись в пределы врагов, проникали в царство персов под видом торговцев или под каким-либо иным предлогом и, тщательно всё разведав, по возвращении в землю римлян могли известить начальствующих лиц о вражеских секретах... То же самое издавна существовало и у мидийцев [т.е. персов. – В.Д.]. Хосров, увеличив, как говорят, жалованье разведчикам, выгадал от такой предусмотрительности. Ибо ничто из того, что происходило у римлян, не оставалось для него тайной» (Proc. *Hist. arc.* XXX.12–14. Пер. А.А. Чекаловой).

Сведения Прокопия указывают на целый ряд важных обстоятельств. Во-первых, персидская военная агентура финансировалась из государственных средств, что указывает на особое значение, придававшееся её деятельности Сасанидами. Во-вторых, несмотря на то что в сасанидском Иране практически не существовало постоянной регулярной армии [20, с. 152; 9, с. 44–59], организация военного шпионажа у персов имела относительно централизованный харак-

тер, поскольку Прокопий говорит о подотчётности лазутчиков сасанидским властям. В-третьих, мы видим, что деятельность шпионов в сасанидском Иране в целом была основана на тех же принципах, что и у римлян; в ситуации малочисленности источников это особенно важно, поскольку в определённой мере позволяет использовать имеющуюся у нас довольно обширную информацию о разведывательном деле римлян для характеристики системы функционирования разведслужбы в государстве Сасанидов. Наконец, в-четвёртых, основываясь на сведениях Прокопия, можно уверенно говорить о высокой результативности действий и профессионализме персидских лазутчиков, в данном отношении, как минимум, не уступавших своим римским коллегам.

Помимо произведений греко-римских писателей-историков, немногочисленные и весьма краткие упоминания о персидских разведчиках содержатся также в некоторых древнеармянских, сирийских и средневековых персидско-арабских источниках: сюда относятся сочинения Фавста Бузанда (Faust. IV.24), Моисея Хоренского (Mos. Chor. III.26), Агафангела (Agathan. 28), Иоанна Эфесского (Iohan. Ephes. Hist. Eccl. VI.26), Табари (Tabari. 60–61, 64–65, 101, 277, 295), Саалиби (Tha'Alibi. 521–524), Динавари (Dīnawarī. 52), Масуди (Maṣūdi. 184–185) и Фирдоуси (Шах-наме. V. 173–174). Из указанных авторов лишь Табари и Динавари доносят до нас относительно пространные и по-своему оригинальные (хотя и явно восходящие к общему источнику) сведения о действиях персидской разведки. Оба автора рассказывают полудетективную историю о том, как во время персидской экспедиции императора Юлиана (363 г.) в ночную разведку вместе с группой воинов (по версии Динавари, их было 30 человек, и все они были всадниками) был вынужден отправиться сам царь Шапур II, ибо персидские лазутчики доносили о действиях римлян противоречивую информацию. Оставив в стороне явную навеянность данного сюжета событиями из более ранней римской истории (речь идёт о разведке в лагерь персов, совершённой в 298 г. соправителем Диоклетиана цезарем Галерием – Eutrop. XXV.1) и вопрос о достоверности приведённого сообщения арабских историков, отметим, что, хотя в деталях их сведения могут не соответствовать действительности и представлять собой сильно искажённую реплику более ранних событий, в целом передаваемая ими информация не только не противоречит данным, содержащимся в греко-римских источниках, но и в какой-то мере дополняет их; так, например, ни один позднеантичный автор, в отличие от Дина-

вари, прямо не говорит о существовании у персов конной разведки, несмотря на её явное (особенно учитывая ключевую роль кавалерии в военном деле персов) наличие, а о том, что Шапур II лично не только ходил в разведку, но и участвовал в штурмах римских крепостей, сообщает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XIX.7.8; XX.7.2)⁸.

Добытые в результате разведывательных мероприятий сведения зачастую доставлялись командованию не самими разведчиками, а **посыльными**, обозначаемыми в источниках как «вестники» (ἄγγελοι) (Herodian. VI.5.6; Proc. Bell. II.21.14; Proc. Hist. arc. II.30; Men. Prot. Fr. 60). Никаких дополнительных комментариев относительно сасанидских ἄγγελοι источники не содержат, однако, исходя из римской военно-разведывательной практики [4, с. 90], можно предположить, что персидские «вестники» выполняли вспомогательные по своей сути функции посыльных по той причине, что ещё (или в принципе) не обладали умениями и навыками, необходимыми «настоящему» разведчику.

Разведывательные по своему характеру функции выполняли **сторожевые посты** (vigiles, excubiae, stationes) и подразделения **дозорных** (stationarii), рассредоточивавшиеся вокруг расположения персидских войск во время лагерной стоянки (прежде всего — в ночное время) (Amm. Marc. XIX.3.1, 6.7) или выдвигавшиеся вперёд при нахождении войска на марше и выполнявшие, таким образом, функции авангарда (Proc. Bell. I.8.13)⁹. Их задачей было наблюдение за прилегающей территорией с целью недопущения внезапного нападения противника, т.е. обеспечение боевого охранения. В сюжете, подробно описанном Аммианом Марцеллином, персидские дозорные проявили себя не лучшим образом: они проспали (и в прямом, и в переносном смысле) ночную вылазку римлян из осаждённой армией Шапура II Амиды и были полностью истреблены. Более того, римскому отряду удалось проникнуть внутрь персидского лагеря, уничтожить много спящих персов, включая представителей высшей знати (optimates... et satrapae), и, хотя и с потерями, вернуться обратно в крепость (Amm. Marc. XIX.6.7–13). Ненамного лучше обстояло дело и в случае, описанном Прокопием Кесарийским при рассказе о военных событиях 503 г. (произошедшем, кстати сказать, также в районе Амиды): шедший впереди основных сил персов отряд эфталитов численностью до 800 человек был почти полностью уничтожен противником (Proc. Bell. I.8.13). Правда, римляне ошибочно посчитали, что этот отряд действовал самостоятельно, не являясь частью какого-то более крупного войска, а потому не приняли соответст-

вующих мер предосторожности (как пишет Прокопий, «сняв оружие, они стали готовить себе завтрак»), а некоторые решили искупаться в протекавшей неподалёку речке — *Bell.* I.8.14–16); тем временем сумевшие спастись эфталиты сообщили о произошедшем командовавшему персидской армией шаханшаху Каваду, и в результате римское войско было разбито подошедшими вскоре основными силами персов (*Proc. Bell.* I.8.16–19).

Подобно разведчикам, целенаправленный сбор информации о противнике осуществляли и персидские *посольства*, что также являлось вполне традиционной для рассматриваемой эпохи практикой [4, с. 28–36; 21]. Наиболее подробное описание персидской дипломатической миссии, имевшей разведывательный характер, содержится у Прокопия Кесарийского (*Proc. Bell.* II.21.1–15 = *Theoph.* A.M. 6033). По словам Прокопия, во время очередного вторжения в римские владения (542 г.) Хосров I отправил к возглавлявшему восточную армию империи военачальнику Велисарииу посольство во главе с одним из «царских секретарей» (τῶν δὲ βασιλικῶν γραμματέων ἕνα) Абанданом (Ἀβανδάνης) [22], «с тем, чтобы он выведал, что представляет собой этот полководец, а для вида — чтобы выразить ему неудовольствие василевсом Юстинианом за то, что он решительно не пожелал направить в Персию послов для утверждения условий мира» (*Proc. Bell.* II.21.1). И хотя в других случаях авторы, сообщая о персидских посольствах, прямо не говорят о том, что в их задачи входил также и сбор разведанных (впрочем, иначе и быть не могло, поскольку эта сфера деятельности посольских миссий носила совершенно секретный характер), тем не менее, не будет большим преувеличением предположить, что многие (если не все) сасанидские «дипломаты» одновременно являлись шпионами [21].

В данном пассаже из «Войны с персами» заслуживает внимания ещё одна деталь. Прокопий Кесарийский называет Абандана «царским секретарём», специально отмечая при этом, что тот «снижал за свой разум большую славу» (*Proc. Bell.* II.21.1). Очевидно, что в «царском секретаре» Прокопия следует видеть одного из высокопоставленных дибиров (ср.-перс. *dibīr*) — «писцов», составлявших в сасанидском Иране многочисленное, включавшее различные прослойки и игравшее важнейшую роль в системе государственного управления сословие чиновничества¹⁰. Одна из категорий дибиров, собирательно обозначаемая в источниках как «писцы официальных посланий» (ср.-перс. *frawardag dibīr*) и, вероятно, составлявшая элиту этого

сословия¹¹, входила в число придворных и выполняла различные поручения царя. К «писцам официальных посланий» относились и так называемые «писцы войска», или «армейские писцы» (ср.-перс. *spāh dibīr*¹²), которые, как видно из названия, находились в составе действующей армии и фактически являлись адъютантами при военачальниках высокого ранга, включая главнокомандующего [23, р. 29–31]. Они же в случае необходимости выполняли и дипломатические функции [24, с. 246]. Судя по всему, именно таким «писцом войска» и являлся упоминаемый Прокопием Абандан, выполнявший, как мы видим, обязанности писца, дипломата и разведчика одновременно; это даёт основание считать высокую оценку, данную Прокопием Абандану, не фигурой речи, а констатацией действительно незаурядных качеств этого дибира. Таким образом, можно сделать вывод, что в ходе выполнения дипломатических миссий определённую (а в каких-то эпизодах — и существенную) роль в добыче разведывательной информации у персов играли и представители сословия дибиров.

Помимо собственно персидских посольств, к дипломатическим источникам информации следует также отнести прибывавшие в Иран делегации других государств и народов, по каким-то причинам заинтересованных в совместной с персами борьбе против Рима (условно говоря, персидских союзников). В частности, об этом неоднократно сообщает Прокопий Кесарийский. Так, в 531 г. к шаханшаху Каваду (488–531) прибыл «царь сарацин Аламундар» (Ἀλαμουνδαρος ὁ τῶν Σαρακηνῶν βασιλεὺς), правитель союзного Сасанидам арабского государства Лахмидов Аль-Мундир III (505–554) [26], с предложением организовать совместный поход против римлян, используя, помимо военной силы арабов, их знание местности (*Proc. Bell.* I.17.30–39)¹³. В 539 г. король остготов Витигес отправил к Хосрову Великому «двух послов, чтобы убедить его выступить против римлян» (*Proc. Bell.* II.2.1–11). Почти одновременно с посланцами Витигеса к Хосрову прибыли представители армян, предложив ему содействие в войне с Римом (*Proc. Bell.* II.3.31–53). В 541 г. Хосров принимал посольство лазов, заявивших о желании перейти под власть персов из-за притеснений, чинимых римлянами (*Proc. Bell.* II.15.12–30). Во всех этих случаях прибывавшие к персидскому двору послы, помимо предложений о военно-политическом сотрудничестве, доставляли персидскому руководству ценные сведения о положении дел у римлян, причём не только в районах, непосредственно прилегающих к римско-персидской границе (арабы, ар-

мяне, лазы), но и в областях, расположенных на значительном удалении от неё (остготы).

Как это ни парадоксально звучит, но в ряде случаев информаторами персов выступали и официальные римские власти. Речь идёт о ситуации, имевшей место в 590 г., когда полководец Бахрам Чубин поднял восстание, изгнал из страны шаханшаха Хосрова II и провозгласил себя царём. Бежавший в пределы Римской империи Хосров нашёл здесь не только приют – для борьбы с узурпатором ему была оказана вся необходимая поддержка, включавшая, помимо прочего, и предоставление сведений военного характера (Theophyl. IV.14.3–5). Впрочем, данный случай имеет вполне логичное объяснение: поддерживая в гражданской войне законного правителя Ирана (Хосрова II Парвеза), римский император Маврикий (582–602) тем самым, с одной стороны, выполнял свой монарший (а отчасти и христианский) долг¹⁴, а с другой – действовал, как прагматичный политик, рассчитывая на уступки со стороны Хосрова после его возвращения на трон; как известно, надежды императора оправдались: шаханшах не только передал императору значительные территории в Закавказье и Верхней Месопотамии [28, р. 105–106, 109], но и выплатил ему крупную денежную сумму [9, с. 317], а также расширил права христианского населения Персии (Tabari. 268, 287–288), положение которого всегда являлось одной из болевых точек в римско-персидских отношениях.

Определённую роль в сборе разведанных играли и **военнопленные**, сообщавшие в ходе допроса нужную персам информацию, на что указывает, в частности, Феофилакт Симокатта (Theophyl. III.7.6). Видимо, в процессе допроса пленников часто (если не всегда) пытали – по крайней мере, именно такая практика была принята в римской армии (Amm. Marc. XIV.7.5; XXXI.15.9) [4, с. 64], и у нас есть все основания считать, что персы поступали аналогичным образом. Кроме того, сам Феофилакт, рассказывая о пленении персами римлян, специально отмечает, что информация от пленников была получена с помощью пытки (μετὰ στρεβλώσεων) (Theophyl. III.7.6), а в другом месте (правда, говоря о пленных персах) он сообщает о том, что допрос пленников происходил «как полагаются» [курсив мой. – В.Д.], при помощи бичевания» (καὶ μάστιξιν ὡς ἐνῆν ἀνετάσας) (Theophyl. V.8.4; см. также: V.7.4). Учитывая же, что в плен римские воины, причём не только рядовые, но и офицеры (см., напр.: Amm. Marc. XVIII.6.12; XIX.9.2) попадали достаточно регулярно, а в некоторых случаях и в больших количествах¹⁵, можно, видимо, говорить о том,

что данный источник разведывательных данных играл для персидского командования весьма существенную роль.

Ценным источником разведывательной информации для сасанидского военного командования являлись **перебежчики** (лат. *transfugae*, *perfugae*¹⁶, др.-греч. αὐτόμολοι, δραπέται)¹⁷. Ими могли быть как военные (Amm. Marc. XXIV.7.5; XXV.6.6, 7.1; XVIII.5.1–8, 7.8–11, 10.1; Iul. Ep. 58.402a; Epit. de Caes. XLIII.2), так и гражданские (Amm. Marc. XIX.5.5, 9.3; XX.6.1; XXIII.5.3 (= SHA. *Trig. tyr.* II.1–4; Dio. cont. *Fr.* 1; Malal. 295–296); Proc. *Bell.* VIII.16.22) лица. При этом, судя по всему, бóльшую опасность для римлян представлял переход на сторону противника представителей последней из двух перечисленных категорий. На первый взгляд это может показаться странным, но на самом деле всё вполне объяснимо. Дело в том, что, как правило, это были знатные люди, занимавшие руководящие посты в местной римской администрации и, в силу своего служебного положения и широкого круга общения, обладавшие достаточно обширной информацией о реальном положении дел в приграничных областях Римской империи. Поэтому вполне естественно, что использование персами сведений такого рода выливалось для римлян в серьёзные неприятности – гораздо большие, нежели те, что имели место при переходе на сторону Сасанидов римских воинов, обладавших сколько-нибудь надёжной информацией лишь в пределах круга непосредственно исполняемых ими обязанностей, а потому не имевших доступа к каким-либо стратегически важным данным. Кроме того, римские перебежчики из числа гражданского населения, как показывает материал источников, совершали акт перехода на сторону противника не спонтанно, а готовились к этому шагу на протяжении длительного времени, специально занимаясь сбором информации, которая могла бы стать полезной персидскому военному командованию¹⁸.

Наиболее показательными (но далеко не единственными) в данном отношении являются два случая. О первом из них сообщает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIII.5.3), а также ряд более поздних источников: «Писатели истории Августов» (SHA. *Trig. tyr.* II.1–4), анонимный продолжатель Диона Кассия (Dio. cont. *Fr.* 1) и Иоанн Малала (Malal. 295–296). Вкратце сюжет сводится к следующему: в 255 г. один из антиохийских куриалов по имени Марсад (*Mareades*) (по версии Иоанна Малалы – Мариад (*Μαριάδης*), по версии SHA – Кириад (*Cyriades*), по версии продолжателя Диона – Мариадн (*Μαριάδνος*)), присвоив себе крупные де-

нежные суммы из городской казны, бежал к персам и инспирировал их вторжение в Сирию, в ходе которого была захвачена и разорена Антиохия – один из крупнейших городов римского Востока. Судя по многочисленности упоминаний этого эпизода в источниках, поступок Мареада оставил глубокий след в исторической памяти римлян.

Во втором случае Аммиан Марцеллин повествует о бегстве в Персию Антонина [31] – «богатого купца, затем чиновника по счётной части при дуксе Месопотамии, а теперь протектора» (Amm. Marc. XVIII.5.1). Антонина историк характеризует как «опытного и умного человека, пользовавшегося большой известностью» (ibid.). Причиной его предательства стало стремление избежать судебного преследования из-за больших долгов, в которые он попал по причине «корыстолюбия каких-то людей» (ibid.), ибо он опасался, что «процессы с важными персонами окончательно его погубят вследствие несправедливости рассматривающих дело судей, которые склонны оказывать покровительство влиятельным людям» (ibid.). Готовясь к бегству, Антонин «стал секретно добывать сведения из всех частей государства и, владея обоими языками, занялся исчислениями и составлял точные записи о том, какие войска и где стоят, какова сила отдельных частей и куда они должны двинуться во время похода; путём расспросов он узнавал, имеются ли в достаточном количестве запасы продовольствия и другого военного снаряжения... Ознакомившись в точности с состоянием дел на Востоке империи, он узнал и то, что большая часть военных сил сосредоточена в Иллирике, где император был задержан серьёзными делами» (Amm. Marc. XVIII.5.1–2. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Оказавшись в Персии, Антонин был приближен Шапуром II и принимал участие в военных советах при царе, в ходе которых планировались боевые действия против Рима (Amm. Marc. XVIII.5.6). При этом он не только выдал персам всю информацию, которую смог добыть накануне бегства, но и всячески подталкивал их к скорейшему вторжению в римские владения (Amm. Marc. XVIII.5.6–8). В конечном счёте благодаря советам Антонина персидское войско в 359 г. оказалось под стенами римской крепости Амиды (Amm. Marc. XVIII.7.10–11), осада и гибель которой стали одной из самых драматических страниц в истории римско-персидских войн.

Иногда перебежчики с римской стороны становились персидскими агентами, о чём сообщает тот же Аммиан (Amm. Marc. XVIII.6.16). Следует признать, что это были

идеальные шпионы, поскольку они абсолютно уверенно ориентировались в римских реалиях, а потому риск быть раскрытым сводился для них к минимуму. Это могло произойти, например, в результате ошибки самого лазутчика – как раз такой случай описан Аммианом Марцеллином: «Мы прибыли в лесистую местность с виноградниками и плодовыми садами, называющуюся Мейакарире... Все жители бежали отсюда, но мы нашли одного солдата, спрятавшегося в укрытии. Его привели к командиру; в испуге он давал противоречивые показания и вызвал тем против себя подозрение. Когда ему пригрозили, он в страхе рассказал всю правду: родился он в Паризиях в Галлии и, будучи на службе в конном полку, боясь наказания за какой-то проступок, бежал и переметнулся к персам; там он женился и родил детей; когда убедились в его честности, то стали посылать лазутчиком в наши пределы, и он часто приносил совершенно точные известия. И теперь он был послан Тамсапором и Ногодаром, персидскими вельможами, которые привели сюда шайки грабителей; к ним он теперь и возвращался, чтобы донести им всё, что разведал» (Amm. Marc. XVIII.6.16. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

Другая опасность, подстерегавшая персидских шпионов из числа римских перебежчиков, – это встреча с попавшими в плен персами, которые могли узнать и выдать их. Неслучайно поэтому, что анонимный автор византийского военного трактата VI в. рекомендует разведчикам (в данном случае – римским, но смысла ситуации это не меняет) «избегать встреч с военнопленными... из-за опасности быть ими опознанными» (Anonym. 42).

Следует также отметить, что количество перебежчиков (как римских, так и персидских) в некоторые периоды, вероятно, могло достигать столь значительных размеров, что обе стороны были вынуждены предпринимать согласованные меры если не по искоренению этого явления, то хотя бы по его регламентации. На это, в частности, указывает содержание римско-персидского мирного договора 561 г., один из пунктов которого был прямо посвящён вопросу о перебежчиках: «Переходящим по своей воле в продолжение войны от персов к римлянам и от римлян к персам не запрещается и не препятствуется, если хотят, возвратиться восвояси; перебежчиков же, или людей, во время мира прибегающих из одного государства в другое, не принимать, но против их воли непременно выдавать тем, от кого бежали» (Men. Prot. Fr. 11. Пер. С. Дестуниса). Впрочем, такое внимание к проблеме перебежчиков в данном случае может быть объяснено не обладанием ими какой-то особо важной информацией, а скорее причина-

ми социально-экономического порядка: для обеих сторон уход на вражескую территорию большого числа людей означал, кроме прочего, утрату рабочих рук.

Подчас большую помощь персидской разведке оказывали *местные жители*, проживавшие в районе боевых действий. По причине хорошего знания местности¹⁹ они использовались персами в качестве проводников при передвижении войск по вражеской территории (Proc. Bell. I.9.11–15; II.3.53; Agath. III.18). Подобная практика, безусловно, была широко распространена, и не только в эпоху древности, а прибегали к ней, естественно, не только персы, но и их противники, и с этой точки зрения ничего оригинального здесь не было. Однако с темой использования представителей местного населения в качестве проводников тесно связана более общая проблема уровня географических, в том числе топографических знаний персов о прилегающих к сасанидскому Ирану территориях²⁰. Не вдаваясь в детали данного вопроса, заслуживающего отдельного исследования²¹, заметим, что при наличии каких-либо точных знаний о топографии хотя бы тех районов Римской империи, что прилегали непосредственно к Месопотамии (которые к моменту начала римско-персидских войн уже на протяжении столетий (!) являлись театром боевых действий между Римом и Ираном), персам вряд ли понадобились бы проводники из числа местных жителей.

Кроме того, источником ценных сведений для сасанидской разведки иногда являлись и жители осаждаемых персидской армией приграничных римских городов. Речь в данном случае идёт о том, что находящиеся в крепости горожане по тем или иным причинам могли вступить в контакт с персами и сообщить им данные о наиболее уязвимых местах городских фортификационных сооружений. Судя по всему, именно такой случай произошёл во время осады персами римской крепости Безабды (360 г.), о чём (правда, с некоторой долей сомнения) сообщает Аммиан Марцеллин: «Христианский епископ показал жестами и кивками, что он хочет выйти из города. Получив заверение, что ему будет позволено вернуться невредимым назад, он направился к царской ставке... Он стал миролюбиво уговаривать персов, чтобы они вернулись домой... Но эти и другие его слова не подействовали на ожесточённое безумство царя... А против епископа возникло подозрение, неосновательное, как я думаю, хотя и настойчиво поддерживавшееся многими, как будто в тайной беседе он дал указания Сапору, на какие части стен, как более слабые, ему следует на-

править атаку. И это казалось правдоподобным, так как сразу на виду у всех осадные орудия врагов с торжеством стали поражать слабые и выветрившиеся части стен, словно их направляли люди, знавшие город изнутри» (Amm. Marc. XX.7.7–9. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Спустя некоторое время Безабда пала. Не что похожее произошло и годом ранее (359 г.), когда во время осады персидской армией Амиды «один перебежавший к персам горожанин», как называет его Аммиан Марцеллин, показал персам тайный подземный ход, ведущий в одну из башен крепости, в результате чего город чуть было не стал добычей Шапура II (Amm. Marc. XIX.5.4). Наконец, Иешу Стилит, повествуя об осаде Амиды армией Кавада (502–503 гг.), сообщает, что, по одной из версий, причиной взятия города персами было предательство кого-то из горожан (Josh. Styl. 53), а в рассказе Иешу об осаде персидским войском Теллы (Константины) в 503 г. описывается попытка группы жителей города из числа представителей иудейской общины прокопать из синагоги подземный ход за пределы укреплений, чтобы провести по нему персов внутрь городских стен (Josh. Styl. 58).

Важно отметить, что установление «оперативно-доверительных» контактов с жителями осаждаемых крепостей носило не спонтанный или эпизодический характер, а являлось неотъемлемой частью военного искусства персов, т.е. было обычной практикой. На это прямо указывает сасанидский военный трактат²², включённый в среднеперсидский сборник «Аин-наме» («Книга установлений») [39], который дошёл до нас в переводе на арабский язык: «И следует при осаде крепости пытаться склонить кого можно из находящихся в крепости и в городе, чтобы добыть... разведывание их тайн» (Аин-наме. 49. Пер. К.А. Иностранцева). Следует, однако, заметить, что полностью доверяться местным жителям было не всегда безопасно: известны случаи, когда они, будучи тайными сторонниками римлян, предавали персов, завлекая их в организованную римскими воинами засаду (Proc. Bell. I.9.5–17).

Среди лиц, поставлявших персам разведданные, нельзя не назвать *торговцев*, которые в силу своей профессиональной деятельности имели возможность вполне легально находиться на чужой территории и по возвращении на родину сообщать Сасанидам добытые сведения, носившие и военный характер. Позднеантичные авторы прямо об этом не говорят, однако в преамбуле одного из совместных эдиктов императоров Гонория (395–423) и Феодосия II (408–450), адресованного префекту претория Востока

Флавию Антемию, на существование подобной практики указывается весьма однозначно: «Торговцам, являющимся нашими подданными или подданными царя персов, строжайше запрещено торговать за пределами мест, обозначенных при заключении нами договора с упомянутым народом, дабы они не раскрывали тайны чужого царства» (*Mercatores tam imperio nostro quam persarum regi subiectos ultra ea loca, in quibus foederis tempore cum memorata natione nobis conuenit, nundinas exercere minime oportet, ne alieni regni, quod non conuenit, scrutentur arcana*) (Cod. Iust. IV.63.4 pr.). Как следует из содержания самого эдикта, персидским и римским купцам было разрешено вести торговлю только в трёх городах: Нисибисе, Каллинике и Артаксате (Cod. Iust. IV.63.4.1). Если при этом учесть, что Нисибис и Артаксата в начале V в. (эдикт датируется 408/409 г.) принадлежали персам и, соответственно, находились вне юрисдикции Рима, то эдикт Гонория и Феодосия фактически означал, что на римской территории персидские торговцы могли продавать свои товары только в Каллинике. В более ранний период перечень таких мест, возможно, был несколько шире; так, Аммиан, рассказывая об осаде Шапуром II Амиды (359 г.), указывает, что у стен города в это время проходила ежегодная ярмарка с участием иностранных торговцев (*peregrina commercia circumacto anno solita*) (Amm. Marc. XVIII.8.13); впрочем, оборот *peregrina commercia* в данном случае может означать лишь торговлю импортными товарами (т.е. их розничную продажу) без непосредственного участия в ней купцов-чужеземцев. Что касается Нисибиса, то он был признан местом, где была разрешена внешняя торговля, ещё в 298 г., при заключении Первого Нисибисского договора (Petr. Patr. Fr. 13) (правда, в то время этот город принадлежал римлянам). Практика регламентации мест торговли для иностранных купцов сохранялась и в VI в., что, в частности, нашло отражение в римско-персидском мирном договоре 561 г., третья статья которого гласила: «Торгующие какими-либо товарами римляне или персы и все купцы обязаны вести торговлю по существующему обычаю через определённые таможни» (Men. Prot. Fr. 11. Пер. С. Дестуниса). Как следует из статьи пятой того же документа, такие «определённые таможни» располагались в Нисибисе и Даре (ibid.)²³.

Наконец, в ситуации нехватки сведений о противнике (или, скорее, в дополнение к ним) сасанидское командование черпало информацию из *слухов* (Amm. Marc. XXV.6.6), которая, впрочем, далеко не всегда соответствовала действительности, о чём, в частности, сообщает

Агафий (Agath. III.24). По его словам, однажды римский полководец Мартин намеренно распространил слух о том, что к нему идёт подкрепление; когда эта информация дошла до персов, часть их войска была направлена на перехват несуществующего римского отряда. Как с нескрываемой иронией пишет по этому поводу Агафий, «понапрасну трудился немалый отряд персов, оторванный от остального войска» (ibid. Пер. М.В. Левченко).

Помимо рассмотренных выше (т.е. чётко зафиксированных в источниках), с высокой долей вероятности могут быть названы и другие каналы поступления к Сасанидам важных с военной точки зрения сведений. Так, вне всякого сомнения, сюда следует отнести оказывавшихся в персидском плену и депортированных вглубь сасанидских владений жителей римских городов²⁴; возможно, свою лепту в сбор разведанных вносили посещавшие Персию римские учёные, философы и религиозные деятели [42, p. 491–495].

Таким образом, разведывательная деятельность являлась важным элементом военного дела сасанидского Ирана. Источники разведывательной информации, использовавшиеся сасанидским военным командованием, были весьма разнообразны. С точки зрения структуры и механизма организации военно-разведывательной деятельности, отлаженности системы управления разведслужбами и эффективности самой военной разведки сасанидский Иран не уступал Римской империи, а на отдельных этапах своей истории и превосходил её. Явные параллели в организации деятельности персидской и римской военных разведок ещё раз подтверждают тезис о сходстве позднеимперской и сасанидской военных систем. Традиции и методы осуществления разведывательной деятельности, сложившиеся и выработанные в сасанидском Иране, сохраняли свою актуальность и в последующие эпохи, оказав, таким образом, существенное влияние на дальнейшую эволюцию военно-разведывательной деятельности в странах Ближнего и Среднего Востока.

Примечания

1. Одним из древнейших документальных свидетельств существования разведки как относительно самостоятельной сферы военного искусства является описание известной битвы при Кадеше между хеттами и египтянами, содержащееся в древнеегипетских настенных надписях эпохи Рамсеса II (XIII в. до н.э.) [см.: 1; 2, с. 96–100]. См. также: Чис. 13:2–30, где повествуется об отряде разведчиков, направленных Моисеем для обследования Ханаана после исхода евреев из Египта (ок. XIII в. до н.э.).

2. В данной статье под Римской империей (в кратком варианте – Римом) в зависимости от контекста понимается либо собственно Римская империя (если речь идёт о событиях III–IV вв.), представлявшая собой до 395 г. единое государство, либо Восточная Римская империя (при рассмотрении событий конца IV – начала VII вв.), либо (в обобщённом значении) та и другая, вместе взятые. Название «Византия» по отношению к Восточной Римской империи здесь нами не применяется в связи с его размытостью и условностью, особенно применительно к позднеантичной эпохе [см.: 3, р. 344–346]. Соответственно, это же относится и к производным понятиям, таким как «римляне», «римский» и т.п.

3. Здесь не место углубляться в источниковедческие штудии, поэтому ограничимся лишь кратким замечанием о том, что сохранившиеся среднеперсидские тексты (в отличие от произведений греко-латинских, армянских, сирийских и других позднеантичных авторов) почти не содержат детализированных повествований военно-исторического характера, способных стать основой для изучения военного дела Сасанидов. Средневековая же арабско-персидская историческая традиция о сасанидском Иране, представленная сочинениями Табари, Саалиби, Динавари, Фирдоуси и других писателей, является, по сути, лишь результатом достаточной поздней переработки не дошедших до нас сасанидских официальных хроник, которые, в свою очередь, и сами вызывают много вопросов с точки зрения своей достоверности (см.: [13, 14]).

4. В этой связи нельзя не согласиться с Э. Саидом, относящим начало формирования системы презентаций Востока в европейской культуре, которую этот исследователь обозначил как «ориентализм», к эпохе появления первых произведений древнегреческой литературы, посвящённых народам Востока [15, с. 88–92] (см. также: [16, с. 626–627]). В ходе же антиэллинистической реакции в Азии, выразившейся в крушении державы Селевкидов, и длившихся более шести столетий римско-парфянских и римско-персидских войн, а также вследствие принятия Империей христианства отчуждение между Западом и Востоком лишь нарастало, а образ последнего в мировосприятии римлян приобрёл ещё более далёкие от реальности черты.

5. О различиях между римскими эксплораторами и спекуляторами и о специфике их деятельности подробнее см.: [18, р. 479–487].

6. См.: [4, с. 81]. В качестве иллюстрации Е.С. Данилов приводит сведения Дионисия Галикарнасского, однако, как мы видим, эта черта была свойственна и гораздо более поздним греческим писателям. Вообще, насколько можно судить по грекоязычной полемологической литературе, более или менее чёткая дифференциация разных категорий разведчиков на понятийном уровне возникает примерно на рубеже VI–VII вв., с момента появления «Стратегикона» Псевдо-Маврикия. До этого времени все представители военной разведки, вне зависимости от специфики выполняемых ими функций, обозначались термином *κατασκοπός*.

7. Усиление роли шпионажа по сравнению с армейской разведкой было характерно и для позднего Рима (см.: [19]).

8. В позднейшей персидско-арабской литературе широкое распространение получил рассказ о том, как Шапур II в одиночку отправился на разведку вглубь римских владений и даже сумел проникнуть во дворец императора (см., напр.: Tabari. 64–65; Tha'Ālibi. 523–524; Maṣṣoudi. 184–185; Шах-наме. V.173–174). В свете данных Аммиана Марцеллина у нас есть все основания предполагать, что этот сюжет – при очевидной вымышленности большинства его деталей – имеет вполне определённую историческую основу.

9. В римском военном деле позднеантичной эпохи принципиальной разницы между дозорными и разведчиками не существовало. Впервые такое смешение функций, судя по сохранившимся полемологическим источникам, ярко проявилось в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия (Mauric. I.3; II.11; VIIA.3; IX.5 и др.). См. также: Leon. *Tact.* IV.24; XII.56; XVII.100 и др. Учитывая, что линии развития военного искусства как римлян, так и Сасанидов во многом были схожи, можно вполне уверенно считать практику «диффундирования» разведывательной и дозорной деятельности характерной не только для римлян, но и для персов.

10. Подробнее о сасанидских писцах см.: [23, р. 18–37; 24, с. 236–246].

11. Такой вывод можно сделать на основе «Письма Тансара» — текста VI в., в котором перечисляются разные категории писцов, и «писцы официальных посланий» стоят на первом месте (см.: Tans. 12).

12. Оригинальный вариант данного термина в пехлевийских текстах не зафиксирован — мы знаем его лишь в новоперсидской версии, благодаря Фирдоуси, который передаёт его как *dabīr-i sipāh* [23, р. 30]. В данном случае нами приведена вероятная форма, реконструируемая А. Тафаззоли [ibid.]. Впрочем, из среднеперсидских эпиграфических источников середины III в. н.э. (граффиты в Дуре-Европосе, датируемые 253 г.) известно о существовании армейских писцов (видимо, более низкого ранга, нежели *dabīr-i sipāh*), называвших себя *dibīr-t tahm* и *dibīr-t radag* [24, с. 244; 25].

13. См. также: Proc. *Bell.* II.19.14, где говорится об арабах как потенциальных информаторах римлян.

14. Представления римлян той эпохи о феномене имперской власти (с учётом того, что империей, безусловно, являлся и сасанидский Иран) хорошо видны из слов Феофилакта Симокатты, вложенных им в уста Хосрова Парвеза: «Как два глаза, освещающие мир, так по изначальному божественному установлению существуют могущественнейшая ромейская держава и земли персидского государства, управляемые разумнейшими скиптроносцами» (Theophyl. IV.11.2. Пер. С.П. Кондратьева). Таким образом, помогая Хосрову, Маврикий, фактически, делал богоугодное дело, спасая тем самым жизнь равной ему по статусу венценосной особы. О диалектической взаимосвязи и взаимовлиянии римского и персидского институтов царской власти см.: [27].

15. Так, Аммиан Марцеллин говорит об имевшем иногда место «пленении [персами. — В.Д.] целых военных отрядов» (*capti militares aliquotiens numeri*) (Амм. Марс. XXV.4.24). Справедливости ради следует отметить, что случаи массового пленения римлянами персов были, по всей видимости, не менее частыми (см., напр.: Theophyl. III.15.15).

16. О соотношении понятий *transfuga* и *perfuga* см.: [29].

17. О римских перебежчиках (прежде всего из числа военнослужащих) подробнее см.: [30].

18. Возможно, преобладание в источниках сведений о римских перебежчиках из числа гражданских лиц по сравнению с перебежчиками-военными связано и с тем, что в случае поимки римский воин, совершивший акт перехода на сторону противника, рассматривался как государственный преступник и подвергался крайне жестокому наказанию (сжигание живьем, распятие на кресте, отрубание конечностей и т.п.); как отмечает по этому поводу А.В. Махлаюк, имперская «система правовых норм, касавшихся перебежчиков, была достаточно действенной, чтобы стимулировать верность присяге» [30, с. 73].

19. «Данные о характере местности при ведении наступательных действий относятся, как правило, к необходимым разведывательным данным» [32, с. 26].

20. Особую актуальность данному вопросу придаёт дискуссия вокруг сасанидской внешнеполитической доктрины, обязанная своим возникновением в том числе и приписываемому античными авторами персам стремлению к восстановлению контроля над землями, некогда принадлежавшими Ахеменидам (см.: Herodian. VI.2.2; Dio Cass. LXXX.4.1; Амм. Марс. XVII.5.5; XXVI.4.6). В этой связи возникает вопрос: имели ли персы какие-то более или менее конкретные представления о территории, на которую претендовали, а если имели, то насколько эти представления соответствовали реальности (см.: [33])?

21. Мы почти ничего не знаем о развитии географических, а тем более военно-топографических знаний в сасанидском Иране, однако известно, что в современном Сасанидам Риме уровень развития географии в целом и военной картографии в частности был весьма низким; достаточно сказать, что из всех авторов позднеантичных полемологических трактатов лишь один (!) Вегетий и лишь единожды (Veget. III.6) упоминает об умении пользоваться картами как желательном для военачальника качестве и сообщает о наличии у римлян военных карт (правда, он говорит об этом в прошедшем времени). Как известно, до нас дошли только единичные экземпляры поздне-римских и ранневизантийских карт [34; 35] – не потому ли, что их в принципе было очень немного? Вряд ли можно предполагать, что в позднеантичном Иране ситуация была принципиально иной, а персидские полководцы располагали какими-то более или менее добротными географическими картами. О развитии военной географии в позднеантичную эпоху см.: [5, р. 81–90; 36, р. 234–235; 37, с. 22].

22. Содержание данного трактата на русском языке с обширными цитатами из самого источника и

подробными комментариями приведено в исследовании К.А. Иностранцева [38].

23. Такая же практика (ограничение въезда иностранных торговцев на римскую территорию) имела место и на европейском театре боевых действий [40, с. 163; 41, с. 155].

24. Подробнее см.: [42, р. 476–487, 495–499; 43].

Список литературы

1. Gardiner A. The Kadash Inscriptions of Ramesses II. Oxford: Griffith Institute, 1960. 59 p.
2. Хрестоматия по истории древнего мира. Т. 1. Древний Восток / Под ред. В.В. Струве. М.: Учпедгиз, 1950. 359 с.
3. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1 / Ed. by A.P. Kazhdan, A.-M. Talbot, A. Cutler, T.E. Gregory, N.P. Ševčenko. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991. li, 2232 p.
4. Данилов Е.С. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 230 с.
5. Lee A.D. Information and Frontiers. Roman Foreign Relations in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. xxii, 213 p.
6. Austin N.J.E., Rankov N.B. *Exploratio*: Military & Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. L.; N.Y.: Routledge, 1995. xiv, 292 p.
7. Sheldon R.M. Intelligence Activities in Ancient Rome: Trust in the Gods, but Verify. L.; N.Y.: Frank Cass, 2005. xxvii, 317 p.
8. Данилов Е.С. Варварские катаскопы на территории Римской империи // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 232–239.
9. Дмитриев В.А. «Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 368 с.
10. Syvonne I. Military History of Late Rome. 284–361. Barnsley: Pen & Sword Military, 2015. xii, 435 p.
11. Farrokh K. Shadows in the Desert. Ancient Persia at War. Oxford: Osprey Publishing, 2007. 320 p.
12. Дмитренко В. Розвідка та інші таємні служби стародавнього Риму і його супротивників. Львів: Кальварія, 2008. 752 с.
13. Daryaei T. National History or Keyanid History?: The Nature of Sasanid Zoroastrian Historiography // Iranian Studies. 1995. Vol. 28 (3–4). P. 129–141.
14. Daryaei T. The Construction of the Past in Late Antique Persia // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2006. Bd. 55. H. 4. S. 493–503.
15. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с.
16. Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. С. 598–635.
17. Военный энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 2 / Под ред. А.П. Гаркина, В.А. Золотарёва,

В.М. Карева и др. М.: Большая Российская Энциклопедия, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. 816 с.

18. The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / Ed. by B. Campbell and L.A. Tritle. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 783 p.

19. Дмитриев В.А. *Exploratus noscendi gratia*: Аммиан Марцеллин об участии римской разведки в войнах с сасанидским Ираном // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 21–27.

20. Никоноров В.П. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Матер. Межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.) / Отв. ред. В.П. Никоноров. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2005. С. 141–179.

21. Lee A.D. Embassies as Evidence for the Movement of Military Intelligence between the Roman and Sasanian Empires // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 455–461.

22. Abandanes // Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3. A.D. 527–641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1.

23. Tafazzoli A. Sasanian Society. I. Warriors. II. Scribes. III. Dehqāns. N.Y.: Bibliotheca Persica Press, 2000. v, 71 p.

24. Хуршудян Э.Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. Алматы: Институт азиатских исследований, 2015. 400 с.

25. Asha R. The Dates in the Pahlavīg and Pārsīg Inscriptions of Durā (Europos). URL: http://www.rahama-sha.net/uploads/2/3/2/8/2328777/the_dates_in_the_pahlav_g_and_prsg.pdf (дата обращения: 17.11.2015).

26. Alamundarus 2 // Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. A.D. 395–527. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1980. P. 40–43.

27. Canepa M.P. The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2008. xx, 425 p.

28. Maksymiuk K. Geography of Roman-Iranian Wars. Military Operations of Rome and Sasanian Iran. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2015. 143 p.

29. Paulsen M.D. *Le perfuga Antoninus. Remarques sur Ammien XVIII, 5* // Camenulae. 2015. № 12 (avril). URL: http://www.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/BAT_Diliberto.pdf (дата обращения: 02.02.2016).

30. Махлаюк А.В. Перебежчики и предатели в римской императорской армии // Вестник Нижегородского

родского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 68–78.

31. Antoninus 4 // Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 74–75.

32. Симонян Р.Г., Ерёмченко Ф.И., Николаев Н.С., Тумас В.А. Тактическая разведка. М.: Воениздат, 1968. 274 с.

33. Daryaei T. Sasanians and their Ancestors // Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europaea held in Ravenna, 6–11 October 2003. Vol. I. Ancient & Middle Iranian Studies / Ed. by A. Panaino & A. Piras. Milano: Mimesis, 2006. P. 387–393.

34. Dilke O.A.W. Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987. P. 234–257.

35. Dilke O.A.W. Cartography in the Byzantine Empire // The History of Cartography. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987. P. 258–275.

36. Syme R. Military Geography at Rome // Classical Antiquity. 1988. Vol. 7. No 2. P. 227–251.

37. Махлаюк А.В. *Scientia rei militaris* (к вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «История». 2002. Вып. 1. С. 12–31.

38. Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1909. 140 с.

39. Tafazzoli A. Ā'in-nāma // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ain-nama> (дата обращения: 03.12.2015).

40. Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.: Наука, 2000. 288 с.

41. Ермолова И.Е. Внешняя торговля в Поздней Римской империи // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия науке и образованию, 2010. С. 149–156.

42. Lieu S.N.C. Captives, Refugees and Exiles: a Study of Cross-Frontier Civilian Movements and Contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 475–505.

43. Kettenhofen E. Deportations. II. In the Parthian and Sasanian periods // Encyclopaedia Iranica. URL: <https://www.iranica.com/articles/deportations#pt2> (дата обращения: 15.02.2016).

**MILITARY INTELLIGENCE IN SASANIAN IRAN:
ORGANIZATION OF ACTIVITIES AND SOURCES OF INFORMATION**

V.A. Dmitriev

Military intelligence was an important part of Sasanian art of war. Sasanian military command used various sources of intelligence. The structure and organization of the Persian military intelligence as well as coordination and effectiveness of its activities were not inferior to the Roman one. Furthermore, at some stages of history the efficiency of Sasanian military intelligence was superior to Roman intelligence service. Obvious parallels between the organization of the Persian and Roman military intelligence confirm the idea of similarity between the Late Roman and Sasanian military systems. Traditions of intelligence activities elaborated in Sasanian Iran remained relevant in subsequent periods, and thus made a significant impact on the further evolution of the military intelligence in the Middle East.

Keywords: Sasanian Iran, military history, military intelligence, scout, spy, espionage.

References

1. Gardiner A. The Kadesh Inscriptions of Ramesses II. Oxford: Griffith Institute, 1960. 59 p.
2. Hrestomatiya po istorii drevnego mira. T. 1. Drevnij Vostok / Pod red. V.V. Struve. M.: Uchpedgiz, 1950. 359 s.
3. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1 / Ed. by A.P. Kazhdan, A.-M. Talbot, A. Cutler, T.E. Gregory, N.P. Ševčenko. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991. li, 2232 p.
4. Danilov E.S. Vojna i razvedyvatel'naya deyatelnost' v antichnom Rime. Yaroslavl': YarGU, 2011. 230 s.
5. Lee A.D. Information and Frontiers. Roman Foreign Relations in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. xxii, 213 p.
6. Austin N.J.E., Rankov N.B. Exploratio: Military & Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. L.; N.Y.: Routledge, 1995. xiv, 292 p.
7. Sheldon R.M. Intelligence Activities in Ancient Rome: Trust in the Gods, but Verify. L.; N.Y.: Frank Cass, 2005. xxvii, 317 p.
8. Danilov E.S. Varvarskie kataskopy na territorii Rimskoj imperii // Civilizaciya i varvarstvo: transformaciya ponyatij i regional'nyj opyt. M.: IVI RAN, 2012. S. 232–239.
9. Dmitriev V.A. «Vsadniki v sverkeyushchej brone». Voennoe delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskih vojn. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 368 s.
10. Syväne I. Military History of Late Rome. 284–361. Barnsley: Pen & Sword Military, 2015. xii, 435 p.
11. Farrokh K. Shadows in the Desert. Ancient Persia at War. Oxford: Osprey Publishing, 2007. 320 p.
12. Dmitrenko V. Rozvidka ta inshi taemni sluzhbi starodavn'ogo Rimu i jogo suprotivnikiv. L'viv: Kal'variya, 2008. 752 s.
13. Daryae T. National History or Keyanid History?: The Nature of Sasanid Zoroastrian Historiography // Iranian Studies. 1995. Vol. 28 (3–4). P. 129–141.
14. Daryae T. The Construction of the Past in Late Antique Persia // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2006. Bd. 55. H. 4. S. 493–503.
15. Said Eh. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Russkij Mir", 2006. 636 s.
16. Krylov K. Itogi Saida: zhizn' i kniga // Said Eh. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Russkij Mir", 2006. S. 598–635.
17. Voennyj ehnciklopedicheskiy slovar'. V 2 t. T. 2 / Pod red. A.P. Garkina, V.A. Zolotaryova, V.M. Kareva i dr. M.: Bol'shaya Rossijskaya Ehnciklopediya, «RIPOL KLASSIK», 2001. 816 s.
18. The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / Ed. by B. Campbell and L.A. Tritle. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 783 p.
19. Dmitriev V.A. Exploratio noscendi gratia: Amian Marcellin ob uchastii rimskoj razvedki v vojnah s sasanidskim Iranom // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Ehkonomika. Informatika». 2011. № 19 (114). Vyp. 20. S. 21–27.
20. Nikonorov V.P. K voprosu o parfyanskom nasledii v sasanidskom Irane: voennoe delo // Central'naya Aziya ot Ahemenidov do Timuridov: arheologiya, istoriya, ehnologiya, kul'tura. Mater. Mezhd. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.M. Belenickogo (Sankt-Peterburg, 2–5 noyabrya 2004 g.) / Otv. red. V.P. Nikonorov. SPb.: Institut istorii material'noj kul'tury RAN, 2005. S. 141–179.
21. Lee A.D. Embassies as Evidence for the Movement of Military Intelligence between the Roman and Sasanian Empires // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 455–461.
22. Abandanes // Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3. A.D. 527–641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1.
23. Tafazzoli A. Sasanian Society. I. Warriors. II. Scribes. III. Dehqāns. N.Y.: Bibliotheca Persica Press, 2000. v, 71 p.
24. Hurshudyan Eh.Sh. Gosudarstvennye instituty parfyanskogo i sasanidskogo Irana. Almaty: Institut aziatskih issledovanij, 2015. 400 s.
25. Asha R. The Dates in the Pahlavīg and Pārsīg Inscriptions of Durā (Europos). URL: http://www.rahama-sha.net/uploads/2/3/2/8/2328777/the_dates_in_the_pahla vg_and_prsg.pdf (data obrashcheniya: 17.11.2015).
26. Alamundarus 2 // Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. A.D. 395–527.

Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1980. P. 40–43.

27. Canepa M.P. *The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2008. xx, 425 p.

28. Maksymiuk K. *Geography of Roman-Iranian Wars. Military Operations of Rome and Sasanian Iran*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2015. 143 p.

29. Paulsen M.D. *Le perfuga Antoninus. Remarques sur Ammien XVIII, 5 // Camenulae*. 2015. № 12 (avril). URL: http://www.parissorbonne.fr/IMG/pdf/BAT_Diliberto.pdf (data obrashcheniya: 02.02.2016).

30. Mahlayuk A.V. *Perebezhchiki i predateli v rimskoj imperatorskoj armii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2014. № 6. S. 68–78.

31. Antoninus 4 // Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 74–75.

32. Simonyan R.G., Eryomenko F.I., Nikolaev N.S., Tumas V.A. *Takticheskaya razvedka*. M.: Voenizdat, 1968. 274 s.

33. Daryaee T. *Sasanians and their Ancestors // Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europæa held in Ravenna, 6–11 October 2003*. Vol. I. *Ancient & Middle Iranian Studies* / Ed. by A. Panaino & A. Piras. Milano: Mimesis, 2006. P. 387–393.

34. Dilke O.A.W. *Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography*. Vol. 1. *Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean* / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987. P. 234–257.

35. Dilke O.A.W. *Cartography in the Byzantine Empire // The History of Cartography*. Vol. 1. *Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean* / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987. P. 258–275.

36. Syme R. *Military Geography at Rome // Classical Antiquity*. 1988. Vol. 7. No 2. P. 227–251.

37. Mahlayuk A.V. *Scientia rei militaris (k voprosu o «professionalizme» vysshih voenachal'nikov rimskoj armii) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Istoriya»*. 2002. Vyp. 1. S. 12–31.

38. Inostrancev K.A. *Sasanidskie ehtyudy*. SPb.: Tipografiya V.O. Kirshbauma, 1909. 140 s.

39. Tafazzoli A. *Ā'in nāma // Encyclopaedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ain-nama> (data obrashcheniya: 03.12.2015).

40. Kolosovskaya Yu.K. *Rim i mir plemyon na Dunae. I–IV vv. n.eh.* M.: Nauka, 2000. 288 s.

41. Ermolova I.E. *Vneshnyaya trgovlya v Pozdnej Rimskoj imperii // Gaudeamus igitur: Sbornik statej k 60-letiyu A.V. Podosinova*. M.: Russkij fond sodejstviya nauke i obrazovaniyu, 2010. S. 149–156.

42. Lieu S.N.C. *Captives, Refugees and Exiles: a Study of Cross-Frontier Civilian Movements and Contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // The Defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986* / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford: BAR, 1986. P. 475–505.

43. Kettenhofen E. *Deportations. II. In the Parthian and Sasanian periods // Encyclopaedia Iranica*. URL: <https://www.iranica.com/articles/deportations#pt2> (data obrashcheniya: 15.02.2016).